

Манухина Алла Олеговна

КОНЦЕПТ "ЧЕСТЬ" И ЕГО ВЕРБАЛИЗАЦИЯ В ТЕКСТЕ СТАРОФРАНЦУЗСКИХ ХРОНИК XIII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ СОЧИНЕНИЙ Ж. ДЕ ВИЛЬАРДУЭНА И Р. ДЕ КЛАРИ)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/35.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 92-101. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 811.133.1'01

Алла Олеговна Манухина

Московский государственный лингвистический университет

КОНЦЕПТ «ЧЕСТЬ» И ЕГО ВЕРБАЛИЗАЦИЯ В ТЕКСТЕ СТАРОФРАНЦУЗСКИХ ХРОНИК XIII ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ СОЧИНЕНИЙ Ж. ДЕ ВИЛЬАРДУЭНА И Р. ДЕ КЛАРИ)[©]

Одним из актуальных направлений в отечественных лингвистических исследованиях выступает изучение концепта, который представляет собой сложное явление, изучаемое с позиций когнитивного, лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов [3]. Настоящая работа выполнена в рамках лингвокогнитивного подхода, который определяет концепт как «ментальное образование, своеобразный фокус знаний о мире, когнитивную структуру» [1; 2; 8].

Предметом исследования в настоящей статье является концепт «честь», реализованный в старофранцузских хрониках эпохи Четвёртого крестового похода. Концепты изучались в отечественной лингвистике, главным образом, на материале современных текстов; однако отдельный интерес для изучения представляет анализ концептов в историко-хронологическом аспекте. Исследование вербализации концептов в древних языках и культурах является перспективным направлением, хотя и остается недостаточно разработанным. Существует лишь несколько работ по исследованию концепта «честь» на материале текстов отдаленных исторических эпох, а именно на материале текстов церковнославянского [15], латинского, старофранцузского [14] и древнеанглийского языков [7]. Концепт «честь», его структура и способы его вербализации дают возможность изучения ценностной ориентации человека прошлого. Настоящая работа продолжает исследование концепта «честь» в текстах эпохи Средневековья на материале жанра хроники - старофранцузских документов начала XIII века, «Взятия Константинополя» Ж. де Вильардуэна и одноименного сочинения Р. де Клари.

Исследуемые документы, относимые к так называемым «рыцарским хроникам», повествующим об истории дипломатии и войн, считаются главнейшими западными источниками, посвященным описанию Четвертого Крестового похода. Данные хроники являются редкими дошедшими до нашего времени историческими сочинениями, написанными на старофранцузском языке - ранними образцами средневековой французской словесности.

Цель статьи состоит в описании способов языковой репрезентации концепта «честь» в текстах старофранцузских хроник, установлении на основе представленного анализа совокупности когнитивных признаков, составляющих концепт «честь» и выявлении среди них наиболее значимых. Исходя из особенностей материала исследования, мы будем рассматривать концепт «честь» как часть картины мира человека не только определённой эпохи, но и определённой культуры и социального статуса, а именно французского рыцаря начала XIII века.

Концепт «честь», представленный в анализируемых хрониках, основывается на ценностных представлениях рыцарства того времени и содержит *оценочный смысл*. Повествуя о «хороших» и «плохих» героях (т.е. соответствующих / не соответствующих норме, стереотипу), авторы соотносят их с этическими нормами своего времени и апеллируют к системе средневековых представлений о «добродетелях» и «пороках», составивших основу «кодекса чести рыцаря». Единого узаконенного письменного кодекса рыцарской чести не существовало, однако, на основе сохранившихся письменных источников (текстов молитв рыцарей, а также позднейших сочинений), а также трудов современных историков, культурологов и философов [4; 9; 12; 16; 17] и анализа словарных дефиниций в лексикографических источниках исторического и этимологического характера [20; 21; 22; 23; 24; 26] представляется возможным описать эту систему ценностей, отличавшую рыцарство от других социальных групп. Нравственный идеал рыцаря XIII века воплощал в себе добродетели религиозные, порождённые христианской верой (*любовь к Богу, готовность защищать христианскую церковь*), общечеловеческие (*честность, мудрость, верность слову, помощь немощным*) и исключительно «рыцарские», свойственные определённому классу в определённую историческую эпоху (*верность сеньору, храбрость и отвага в бою, презрение к опасности и любым тяготам*).

Концепт «честь» являлся нравственной основой «кодекса чести рыцаря», и являл собой культурно-обусловленные представления средневекового человека об окружающем его мире, имеющие языковую экспликацию. Таким образом, можно видеть, что концепт «честь» – это неотъемлемая часть средневековой культуры рыцарства, именно он формирует всю оценочную структуру исследуемых хроник.

В отечественных лингвистических исследованиях не существует однозначной точки зрения на структуру концепта: он представляется состоящим из «логем», «базисных семантических групп», «сем», «слоёв», «сегментов», «фреймов», «гештальтов», «скриптов» [1; 2; 3; 13]. Однако большинством исследователей признается признаково-структурный характер концепта: концепт состоит из ряда когнитивно-дифференциальных признаков, сформировавшихся в рамках определённой культуры, которые объективируются в языке посредством различных репрезентантов.

Теоретической основой нашей работы является классификация Ю. С. Степанова, в которой в качестве составляющих концепта выделяются следующие признаки:

- основной (актуальный) признак;
- дополнительный (пассивный, исторический) признак;
- внутреннюю форму (обычно не осознаваемую), то есть этимологический признак. Этимология открывается лишь исследователям, для остальных она существует опосредованно, как основа, на которой возникают и держатся остальные слои значений [12, с. 140].

При анализе составляющих концепта необходимо учитывать и классификацию признаков, выдвинутую М. В. Пименовой, которая рассматривает структуру концепта как совокупность следующих культурно-детерминированных признаков:

- 1) мотивирующий признак, послуживший для именованного некоего фрагмента мира, внутренняя форма слова, центр образа;
- 2) понятийные признаки, актуализированные в словарных значениях лексемы, репрезентанта концепта, в виде семантических компонентов, сем;
- 3) категориальные признаки, представляющие собой первую ступень дальнейшего переосмысления исходных признаков концепта;
- 4) функциональные признаки, выражающие функции, закреплённые в сознании носителей языка за соответствующим денотатом;
- 5) ценностный признак;
- 6) образный признак, находящийся в основе образования концептуальных метафор [11, с. 54-55].

В настоящей работе мы также обращаемся к теории В. А. Масловой, согласно которой концепт образует полевую модель с ядром и периферией. Концепт можно представить в виде круга, с основным понятием, ядром концепта, в центре, а всем тем, что привнесено культурой, традициями, народным и личным опытом - на периферии. «Ядро - словарное значение той или иной лексемы. Периферия же - это субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации» [10, с. 58].

Таким образом, в исследовании используется комплексный подход, основанный, с одной стороны, на признаково-структурной теории концепта, согласно которой концепт рассматривается как совокупность взаимосвязанных признаков, функционально значимых для соответствующей культуры, и, с другой стороны, на ядерно-периферийной теории структуры концепта, представляющий концепт в виде модели с ядром и периферией.

Следует, однако, отметить, что концепт «честь» является абстрактным понятием, обозначающим морально-нравственную категорию. Концепт «честь» изначально несет положительную эмоциональную нагрузку и обладает положительным коннотатом. Следовательно, отвлеченный, обобщенный компонент значения у него является ведущим, а образный ряд, и, соответственно, образный признак концепта у него отсутствует. В настоящей работе, при рассмотрении концепта «честь», объектом нашего анализа является *ценностно-оценочная составляющая* данного концепта.

Оценочные признаки концепта «честь» реализуются в старофранцузском языке в виде групп лексем, имеющих оценочное значение и отражающих «кодекс чести рыцаря». Таким образом, данный концепт в языковой системе оказывается связан не с одним словом, а целым рядом слов, выявляемых по понятийному признаку.

В рамках настоящей статьи рассмотрим следующие лексические средства выражения положительной оценки, выявленные нами на материале исследуемых хроник:

- оценочные существительные: *prodom (preudons), proece (proeschés), hardement, honneur, sens, engin, hal-tece, nobleche*;
- оценочные прилагательные: *saint, proz (preus/ proisiez), sages, cler, hals (haut), noble, honorez, poesteif, vallans, hardis, larges, rikes*;
- причастия: *prisiez, redotée*, употреблённые в атрибутивном значении и выражающие положительную оценку, а также оценочное выражение, имеющее атрибутивное значение *de grand cuer*;
- оценочные наречия *largement, orgueilleusement*;
- оценочный глагол *honorer*.

Таким образом, анализируются лексемы, имеющие в структуре своего значения сему «честь», то есть вербализующие концепт «честь» (полнозначные именные части речи, причастия и глагол с фрагментами контекста их употребления). Каждая из них содержит определенное оценочное значение и адресует читателя к стереотипам, свойственным эпохе Средневековья.

Изучим последовательно каждую из выявленных оценочных лексических единиц-репрезентантов концепта «честь» в рамках фрагментов хроник Ж. де Вильярдуэна и Р. де Клари, позволяющих выяснить, как они реализуют оценочное значение в разных контекстах и соотносятся с «кодексом чести рыцаря».

Наиболее распространённым в текстах обеих хроник является оценочное прилагательное *proz*, которое употреблено в едином контексте с оценочными прилагательными *vailanz, hardis*, а также оценочным выражением *faire de hardement*. Данные лексемы служат для положительной оценочной характеристики ратных качеств воина-рыцаря на основании степени его соответствия «кодексу чести»:

Et l'empereres Baudoins i lassa Eustace de Saubric, qui ere uns chevaliers de Flandres mult preuz et mult vaillanz [27, ch. LXI, p. 273].

Ce fut mult granz damage, que mult estoient preu et vaillant [Ibidem, ch. VI, p. 27].

Aleumes de Clari li clers, qui mult y fu preus et molt y fist de hardement et de proeschies [25, ch. I, p. 70].

Pierre de Briachel, li preus chevaliers et li hardis et li vaillans... [Ibidem, ch. I, p. 45].

Et enqui ot Guillaumes de Chanlite brisié le braz d'une pierre; dont granz damage fu, que il ere mult preuz et mult vaillanz [27, ch. XXXIV, p. 167].

Il y fu d'Aminois mesires Pierres d'Amiens, li biax chevaliers et li preus et li vaillans [25, ch. I, p. 30].

Or y eut il tant d'autres chevaliers de Frache et de Flandres et de Champagne et de Bourgogne, de vaillans chevaliers et de preus: et chiaus que nous avons chi nommes li plus rike homme estoient ... [27, ch. I, p. 60].

Из нашей выборки можно видеть, что в текстах анализируемых хроник лексемы *proz*, *vaillanz* и *hardis* формируют синонимичный ряд и используются в контекстах, описывающих поведение воина как активного участника сражения (например: *bons chevaliers et preus qui molt y fist de proeschies / mult y fu preus et molt y fist de hardement et de proeschies*). Значение данных лексем отражает главным образом качество «доблесть» и «смелость». Употребление их в тексте апеллирует к главной рыцарской добродетели - *храбрости*, которая в средневековом понимании рассматривалась как «способность броситься, не колеблясь, навстречу опасности, ведя при этом бой по всем правилам чести, не прибегая к недозволенным приёмам и уловкам» [6, с. 135]. Обратим внимание на часто повторяемое оценочное выражение «*preu et vaillant*» у обоих авторов, где сочетание синонимичных эпитетов служит для усиления положительной оценки рыцаря и свидетельствует о высоком положении объекта оценки на шкале ценностей; основанием оценки служит представление о храбрости воина, его способность совершать подвиги.

Синонимом оценочных прилагательных *proz*, *vaillanz* и *hardis* в тексте хроники Ж. де Вильардуэна выступает лексема *redotée*, представляющая собой причастие прошедшего времени от глагола *redoter* - досл: «бояться, опасаться» [22, p. 350]:

La quatre bataille fist li cuens Loeys de Blois et de Chartain, qui mult fu granz et riche et redotée [27, ch. XII, p. 115].

В данном примере причастие *redotée*, употреблённое в качестве атрибутива, передает не зафиксированное в словарях значение «храбрый, неустрашимый, доблестный», которое, однако, очевидно из контекста. На основании контекста можно сделать вывод, что в данном значении в лексеме *redotée* реализуется положительная оценка лицу и актуализируется признак «воинская доблесть» концепта «честь».

Также в сочинении Ж. де Вильардуэна представлено оценочное выражение *de grand cuer*, которое также эксплицирует значение «храбрый, мужественный»:

Li dux de Venise qui ot nom Henris Dandole mult par ere de grand cuer [Ibidem, ch. XIV, p. 67].

При анализе словарных дефиниций нами было выявлено, что сема «храбрость, мужество» является вторым из представленных в лексикографических источниках значений лексемы *cuer* [21, p. 63]. Взаимосвязь понятия «мужество, доблесть» с лексемой *cuer* («сердце») в старофранцузском языке ученые объясняют тем фактом, что в культурологическом плане понятие «сердце» представляет в картине мира человека Средневековья своеобразноеместилище разного рода эмоций [11; 16]. В значении «человек большого мужества» выражение *de grand cuer* отражает когнитивный признак «воинская доблесть» концепта «честь».

В тексте хроники Ж. де Вильардуэна нами было выделено оценочное наречие *orgueilleusement*, значение которого «храбро, доблестно» также не было отмечено ни в одном из словарей, но очевидно из контекста:

Et li Greu lor tornerent les dos: si s'en vont fuiant, et lor laissent le rivage. Et sachiez que onque plus orgueilleusement nul porz ne fu pris [27, ch. XXXIII, p. 157].

В словарях старофранцузского языка указывается, что оценочное наречие *orgueilleusement*, дериват от существительного *orguel* («гордость, высокомерие»), имеет значение «гордо, высокомерно, самонадеянно» [18, с. 182] и служит для выражения отрицательной эмоциональной и этической оценки. Однако методом контекстуального анализа данного фрагмента хроники можно установить, что *orgueilleusement* здесь реализует противоположное значение: «храбро, смело, доблестно». Объектом положительной этической оценки являются рыцари-крестоносцы, захватившие Константинополь. Таким образом, лексема *orgueilleusement* контекстуально выступает репрезентантом признака «воинская доблесть» концепта «честь». В тексте хроники Ж. де Вильардуэна *orgueilleusement* в значении «храбро, смело, доблестно» употребляется лишь однажды. То, что в словарях данного значения лексемы зафиксировано не было, указывает на редкость его проявления.

Существительное *prodom*, являясь дериватом оценочного прилагательного *proz*, реализует в сочинениях Ж. де Вильардуэна и Р. де Клари положительную оценку ратных качеств воина на основании «кодекса чести рыцаря»:

Et li preudome, qui ne voloient mie le mal, vindrent tot armée à la meslée, et commencierent à dessevrer [27, ch. XVIII, p. 89].

Et li chevetaines que li empereres i avoit lassie, qui ere apelez Reniers de Mons, si fu morz, qui ere mult prodom; dont granz damages fu de sa mort [Ibidem, ch. LXVII, p. 300].

Il y fu li vesques Nevelon de Sesson, qui molt y fu preudons et vallans en tous commans et en tous besoins [25, ch. I, p. 10].

Mahiex de Monmorenchi, qui molt y fu preudons... [Ibidem, ch. I, p. 35].

Посредством *prodom* оцениваются поступки персонажей хроник (например, *vindrent tot armée à la meslée, et commencierent à dessevrer*), соответствующие представлениям рыцаря о чести. Совокупность значений, свойственных оценочному существительному *prodom*, совпадает с оценочными семами, выраженными прилагательным *proz*. В ряде контекстов они выступают как синонимы: *mult preuz et mult vaillanz* [27, ch. LXI, p. 273] / *preudons et vallans en tous commans et en tous besoins* [25, ch. I, p. 10].

Обе оценочные лексемы должны были иллюстрировать идеал рыцаря, обусловленный реалиями средневекового общества, и являлись репрезентантами признака «воинская доблесть» концепта «честь».

Существительное *proece*, как и *prodom*, является дериватом оценочного прилагательного *proz*. Оценочное существительное *proece* в старофранцузском языке было многозначным и могло обозначать как абстрактное понятие «доблесть» (*la prouesse*), то есть «проявление мудрости, честности и верности рыцаря в его мыслях и поступках» [20, p. 1108], так и конкретное проявление доблести. Под *proece* мог подразумеваться «смелый подвиг» (*l'exploit courageux*), «блестящий, храбрый, героический и самоотверженный поступок, совершённый во время войны; выдающийся поступок, выходящий за привычные рамки» [Ibidem, p. 1109] и «конкретно все доблестные деяния» (*et concrètement tous les actes de vaillance*) [Ibidem, p. 1627].

В текстах исследуемых хроник оценочное существительное *proece* употреблено в своем первичном значении:

Notre pelerin orent mult grand joie de cele croiz, por le sens et por la proesse que il avoit en lui [27, ch. XIV, p. 68].

В этом контексте *proece* обозначает абстрактное понятие «доблесть, мужество» (*vaillance*), «достоинство рыцаря в ратном значении этого слова» (*la valeur d'un preux au sens guerrier du mot*) [21, p. 1627].

Равным образом оценочное существительное *proece* употребляется и во втором, более конкретном своем значении. Особенно часто оно повторяется в тексте хроники Р. де Клари:

Et chiaus que nous avons ichis nommes, che furent chils qui plus y fisent d'armes et de proeschis; et molt d'autre boine gent a cheval et a pie, tant de miliers que nous n'en savons le nombre [25, ch. I, p. 75].

Et de chiaux qui plus y fisent de proeschis et d'armes, nous savons vous nommer une partie: Pierry de Braiechel, che fu chis de povres et de rikes qui y fist de proeschis [Ibidem, ch. I, p. 65].

В рассматриваемых отрывках хроник оценочное существительное *proeschis* употреблено в выражении *fist de proeschis* («проявил доблесть»/ «совершил подвиг») [21, p. 260], актуализируя сему «доблесть»/ «подвиг».

Оценочное существительное *hardement* является дериватом прилагательного *hardi* и выступает по своему значению синонимом существительного *proece*. В хронике Р. де Клари оценочное существительное *hardement* употреблено в значении «смелый, отважный поступок» и с глаголами *faire/entreprendre* образуют устойчивые выражения *fist de hardement/entreprist hardement* («совершил подвиг»):

“Chist est vaillans et hardis, quant si grant hardement entreprist a faire” [25, ch. XXII, p. 20].

Aleaumes de Clari li clers, qui mult y fu preus et molt y fist de hardement et de proeschis... [Ibidem, ch. I, p. 70].

Употребление оценочных существительных *hardement* и *proeschis* в одном контексте, с одним и тем же глаголом *faire*, возможность образования устойчивых выражений со сходным значением (*fist de hardement/fist de proeschis* - «совершить подвиг») свидетельствует о синонимичности лексем *hardement* и *proeschis*, о близости их значений. Все три устойчивых выражения (*faire de hardement/faire de proeschis/faire d'armes*) эксплицируют положительную оценку воина на основании «кодекса чести рыцаря» и вербализуют признак «воинская доблесть».

На основе проведенного комплексного анализа можно сделать вывод о том, что оценочные лексемы *proz*, *vallans*, *hardis*, *redotée*, *de grand cuer*, *orgueilleusement*, *proece*, *hardement* и *prodom* актуализируют в текстах сочинений Ж. де Вильардуэна и Р. де Клари, в первую очередь, сему «воинская доблесть». Согласно признаково-структурной теории концепта, представляется возможным рассматривать сему «воинская доблесть» как репрезентант основного (актуального) признака концепта «честь» (согласно классификации признаков концепта Ю. С. Степанова). Данная сема зафиксирована как главная и определяющая в лексикографических источниках: словарях старофранцузского языка, этимологическом и историческом словарях. Ввиду этого она может рассматриваться также как репрезентант мотивирующего признака «воинская доблесть» концепта «честь» (по классификации М. В. Пименовой).

Определив признак «воинская доблесть» как основной и мотивирующий, рассмотрим другие признаки концепта «честь», которые реализуются в текстах хроник.

Оценочное прилагательное *hals/haut* является одним из наиболее частотных в исследуемых сочинениях. Как в хронике Ж. де Вильардуэна, так и Р. де Клари прилагательное *hals/haut* вербализует сему «знатный, благородный, высокопоставленный» (*noble, élevé*), что было типичным для данного старофранцузского прилагательного, начиная с XI века [23, p. 160].

Uns halz hom de l'ost, qui avoit nom Guis li chastelains de Coci, morut et fu gitez en la mer [27, ch. XXV, p. 124].

Mult fu granz la renomee par les terres, quant cel dui halt home s'encroiserent [Ibidem, ch. II, p. 5].

Quand li roi se fu constilles, si li loerent si baron qu'il envoiast se sereur a si haut homme et a si rike homme comme li empereres estoit [25, ch. XIX, p. 15].

Et tout li haut homme, et cleric et lai et petit et grant, demenerent si grant goie a l'esmouvoir que onques encore si faite goie ne si fais estoires ne fu veus ne ois [Ibidem, ch. XIII, p. 10].

В текстах исследуемых хроник оценочное прилагательное *hals* приобретает и дополнительные значения. Так, у Ж. де Вильардуэна в представленных ниже примерах прилагательное *hals/haut* в значении «занимающий высокое положение на социальной лестнице» выступает как синоним эпитету «могущественный»:

Et en cel termine si morut un des plus hals baron de l'ost, qui avoit nom Oedes li Champenois de Chanlite [27, ch. LVIII, p. 262].

Sire, nos somes a toi venu de par les hals barons de France qui ont pris le sine de la croiz [Ibidem, ch. IV, p. 18].

Bien avons queneu que votre signor sont li plus haut homes qui soient sanz corone [Ibidem, ch. IV, p. 16].

В произведении Ж. де Вильардуэна прилагательное *hals* имеет, помимо указанного значения, и более конкретный смысл: *les haut hommes* - это элита феодального общества: крупные феодалы, графы, бароны и рыцари, на которых были ориентированы, в первую очередь, исторические хроники эпохи расцвета Средневековья [9, с. 28].

В нашей выборке в оценочных выражениях *les hals barons/ li haut homes* применительно к человеку рыцарского сословия, прилагательное *hals* приобретает положительную этическую оценку. Необходимо отметить, что понятие «знатности», «могущества» было культурно окрашенным в эпоху Средневековья и имело особую ценностную значимость. В XII-XIII веках высокое положение рыцаря рассматривалось как часть его обязательных достоинств и являлось положительной оценкой: феодальные сеньоры заботились о своих генеалогиях, возводя род к далеким, нередко легендарным или полуполулегендарным знатым и славным предкам [4, с. 120].

В ряде контекстов синонимом оценочного прилагательного *hals* выступает лексема *poesteif*, которая в старофранцузском языке имела значение «тот, кто имеет власть, могущественный» (*qui a le pouvoir, puissant*) [23, p. 498]. Именно в этом значении она зафиксирована в хронике Ж. де Вильардуэна:

“Seignor, li baron de France li plus haut et li plus poesteif nos ont a vos envoiez” [27, ch. VI, p. 27].

Li dux li plus halt et li plus possessif [Ibidem, ch. IV, p. 7].

В приведенных примерах оценочное прилагательное *poesteif* употреблено в едином контексте *hals* и вместе с ним выражает положительную этическую оценку лицу на основании его знатности и положения в обществе. Таким образом, *poesteif*, так же, как и *hals*, вербализует в данном контексте признак «социальная значимость» концепта «честь».

Существительное *haltece* является дериватом прилагательного *hals*. В XII-XIII веках, то есть в период создания исследуемых хроник, одним из его значений было «величие, достоинство, слава» (*grandeur, dignité, gloire*) [23, p. 331]. В данном оценочном значении *haltece* встречается только в тексте хроники Ж. де Вильардуэна:

De si grant povreté et de si grant essil furent torné à si grant haltece, par Dieu avant et par pelerins après [27, ch. XL, p. 190].

В указанном контексте под *haltece* подразумевается целая совокупность значений: это и победа крестоносцев при взятии Константинополя, и «величие, достоинство, слава», и социальная значимость, которую приобрели рыцари после этой победы и, следовательно, могущество победителей. Таким образом, здесь оценочное существительное *haltece* передает этическую и эмоциональную оценку и является лексемой-репрезентантом признака «социальная значимость».

В сочинении Р. де Клари нами также была выявлена лексема *nobleche*:

...les gens de le vile s'en merveillerent trop de le grant goie et de le grant estoire et de le grant nobleche qu'il demenoient [25, ch. XIII, p. 45].

В этом фрагменте хроники *nobleche* может переводиться двусмысленно: и как «достоинство, благородство феодалов из войска», и как «знатность феодалов войска». В первом случае посредством *nobleche* оцениваются духовные качества, во втором случае - социальная значимость, положение рыцаря в обществе. На наш взгляд, *nobleche* в данном контексте актуализирует именно второе значение и также объективирует признак «социальная значимость».

Оценочное существительное *honor*, выявленное при изучении хроник Ж. де Вильардуэна и Р. де Клари, являясь многозначным, выражает целую совокупность понятий, относящихся к эпохе Средневековья. Появившись во второй половине VI века, существительное *honor* изначально не имело оценочного компонента и обозначало «феод, доход феодала, владение» (*fief, bénéfice féodal, possession*) [24, p. 970]. Однако в эпоху расцвета Средневековья существительное *honor* употребляется уже в переносном смысле и обозначает как «богатство в целом» (*richesse en general*) [Ibidem], так и «знак почитания, уважения по отношению к добродетели, к заслугам» (*marque de veneration, de considération attaché à la vertu, aux mérites*) [Ibidem].

В ряде контекстов у Вильардуэна *honor* переосмысливается метафорически и на примере следующих отрывков можно видеть, что содержание *honor* из обозначения ценности материальной трансформируется в ценность духовную:

Siegnor, veez l'honor que Diex vos a faite [27, ch. VI, p. 29].

Et fu granz la joie de l'honor et de la victoire que Diex lor ot donnée [Ibidem, ch. LX, p. 251].

Seignor, por Dieu, ne perissons la grant honor que Dieux nos a faite! [Ibidem, ch. XLI, p. 198].

Существительное *honor* с одной стороны, выражает понятие духовной культуры - «честь»=«милость Бога по отношению к крестоносцам». С другой стороны, в существительном *honor* имеется конкретное значение: «награда» Бога рыцарям - это победа крестоносцев при Константинополе (его синонимом в тексте является *la victoire*).

В таком же значении *honor* встречается и в хронике Р. де Клари:

Seigneur, or vees le grant mervelle de le grant honour que Diex m'a donnee, que en chel jour meesme que on me devoit prendre et essillier, en chel jor meesme sui courrounes a empereur [25, ch. XXII, p. 10].

В анализируемом примере объектом оценки является факт избрания императора Византии, а субъектом оценки - сам избранный император Исаак. Оценочное существительное *honor* реализует сему «милость Бога», «награда, почесть» и так же, как и в хронике Ж. де Вильардуэна, выражает этическую и эмоциональную оценку свершившемуся событию. Посредством данной лексемы подчеркивается, чего достиг император, и какое важное социальное положение он занимает.

Таким образом, оценочное существительное *honor* выражает в текстах обеих исследуемых хроник сразу несколько понятий: «милость», «честь», «почет», «награда» и является лексемой-репрезентантом признака «социальная значимость» концепта «честь».

Оценочное прилагательное *honorez* является дериватом существительного *honor*. В лексикографических источниках указывается следующее его значение: «почтенный, достойный уважения» (*honorable, digne d'estime*) [20, p. 373]. В данном значении *honorez* встречается у Вильардуэна:

Einsi fina li cuens et mourut don granz dommage fu; et bien fu droiz, car mult ere hals ber et honorez, et bons chevaliers. Mult fu grans dielx per tote sa tere [27, ch. IX, p. 46].

В указанном контексте прилагательное *honorez* актуализирует то же значение, что и рассмотренное выше существительное *honor*: «почитаемый, уважаемый со стороны общества». Таким образом, основные значения существительного *honor* и прилагательного *honorez*, выявленные в текстах хроник Ж. де Вильардуэна и Р. де Клари, совпадают. Обе лексемы актуализируют признак «социальная значимость», под которым подразумевается одна из важнейших добродетелей, приличествующая рыцарю - «уважаемый человек».

В тексте хроники Ж. де Вильардуэна нами была выявлена лексема *prisiez*, которая, являясь причастием прошедшего времени от глагола *prisier* - «ценить, уважать» [18, с. 205], употребляется в тексте хроники в качестве атрибутива:

Majus de Monmorenci, qui ere uns des meillors chevaliers del roiaume de France et de plus prisiez et de plus aimez, acoucha de maladie, et agrava tant sa maladie que fu morz [27, ch. XLII, p. 200].

Здесь причастие *prisiez* употреблено в одном контексте с причастием *aimez* и общеоценочным прилагательным *bon* в суперлативе. Вместе с ними *prisiez* выражает этическую и эмоциональную оценку лицу на основании степени его соответствия представлениям рыцаря о чести и вербализует сему «почитаемый, уважаемый со стороны общества». Исходя из контекста, можно понять, что *prisiez* выступает, по сути, синонимом рассмотренному выше оценочному прилагательному *honorez* и реализует признак «социальная значимость» концепта «честь».

Оценочный глагол *honorer*, являющийся также дериватом существительного *honor*, встречается в хронике Ж. де Вильардуэна:

Et li marchis Boniface de Monferrat, et li quens Loyes de Blois et de Chaztain l'onorerent cum lor seignor [Ibidem, ch. LVIII, p. 263].

В данном примере *honorer* обозначает ценность духовную, актуализирует сему «почитание, уважение» императора со стороны рыцарей-вассалов и реализует когнитивный признак «социальная значимость».

Как уже отмечалось выше, когнитивный признак «социальная значимость» вербализован совокупностью лексем, значения которых оценивают положение рыцаря в феодальном обществе с позиций материальной и духовной культуры. Для более детального анализа рассмотрим группу лексем *riche / richesse*, основным значением которой являлась сема «богатство».

Отношение к богатству в ту эпоху было противоречивым: с одной стороны, богатство порицалось - «в бедности видели состояние более угодное Богу, нежели богатство» [6, с. 135], с другой стороны, именно на богатстве основывалось могущество средневековых феодалов. В эпоху Крестовых походов это противоречие ещё более усилилось: Крестовые походы, провозглашенные как освобождение Святой Земли от неверных, фактически преследовали целью приобретение новых земель и богатств.

По данным лексикографических источников, все значения прилагательного *riche*, засвидетельствованные в письменных памятниках, восходят к франкскому *riki*, имевшему значение «могущественный» (*puissant*) [24, p. 1805]. Значение «могущественный, благородный», являясь этимологическим признаком данного оценочного прилагательного, оставалось актуальным и в период расцвета Средневековья вплоть до конца XIII века.

В первом, наиболее раннем из зафиксированных в словарях значениях, прилагательное *riche* можно видеть в текстах хроник как Ж. де Вильардуэна, так и Р. де Клари:

La quatre bataille fist li cuens Loeys de Blois et de Chartain, qui mult fu granz et riche et redotée [27, ch. XII, p. 115].

Morz fu Pierres d'Amiens, qui mult ere riches et halz hom, et bons chevaliers et proz [Ibidem, ch. LXIV, p. 291].

Il eu un empereur en Constantinoble, Manuau eut a non. Si fu molt preudons empereres et li plus rikes de tous les crestiens qui onques fuissent et li plus larges [25, ch. XVIII, p. 10].

Si haut homme et si rike homme comme li empereres estoit [Ibidem, ch. XIX, p. 15].

В данных фрагментах хроники можно видеть, что *riche* сочетается, с одной стороны, с оценочными прилагательными *redotée* и *proz*, актуализирующими положительную оценку лицу на основании ратных качеств воина и, с другой стороны, оценочными прилагательными *halz*, *larges*, оценивающими лицо с позиций его положения и поведения в социуме. В указанных контекстах эпитет *riche* эксплицирует сему «значительный, важный» (*considérable*, *puissant*) [23, p. 566], «могущественный как относительно политической власти, знатности положения, так и социальной роли» [24, p. 1805] и является лексемой-репрезентантом когнитивного признака «социальная значимость». В целом данные оценочные лексемы эксплицируют комплексную положительную оценку знатного и могущественного человека, феодала (*cuens*, *chevaliers*) или императора (*empereres*).

Из этого основополагающего значения в XII-XIII веках сформировалось новое: «храбрый, бесстрашный» (*courageux*, *intrepide*), «значительный, большой, важный», «с оттенком восхищения» [Ibidem, p. 1805], которое употреблялось по отношению к ратным качествам воина. Примеры на употребление *riche* в указанном значении мы находим в текстах обеих исследуемых хроник:

Mult fu bele cele estoire et riche, et mult i avoit grant fiance li cuens de Flandre... [27, ch. IX, p. 46].

Or y eut il tant d'autres chevaliers de Frache et de Flandres et de Champagne et de Bourgogne, de vaillans chevaliers et de preus: et chiaus que nous avons chi nommes li plus rike homme estoient ... [25, ch. I, p. 60].

В представленных примерах объектами положительной оценки является войско крестоносцев в целом (*estoire*) и сами рыцари (*chevaliers*), а прилагательное *riche*, судя по контексту, имеет двойное значение - «значительный, важный», подразумевая силу и количество воинов, и «храбрый, бесстрашный», имея в виду их боевой дух.

Проведя анализ оценочных лексем *haut*, *haltece*, *poesteif*, *noble*, *nobleche*, *honor*, *honorez*, *honorer*, *prisiez*, *riche*, можно сделать следующие выводы: каждая из представленных лексем объективирует определенное понятие - «богатство», «могущество», «знатность, благородство», «уважение, почет». Совокупность оценочных значений рассмотренных лексем вербализует когнитивный признак «социальная значимость» концепта «честь».

Рассмотрим лексемы *sage*, *cler*, *sens*, *engin*, семантический компонент которых содержит сему «мудрость». В нашей работе «мудрость» рассматривается с позиций лингвокогнитивного подхода как один из когнитивных признаков концепта «честь». В средневековом обществе мудрость считалась одной из главных рыцарских добродетелей: феодал-рыцарь того времени должен был в любой ситуации так же умело проявлять мудрость, как и воинскую доблесть.

На наш взгляд, сема «мудрость» в текстах хроник наиболее эксплицитно представлена в оценочном прилагательном *sage*, посредством которого Ж. де Вильардуэн и Р. де Клари выражают интеллектуальную и этическую оценку по отношению к предводителям, священникам и рыцарям:

Li dux de Venise qui ot nom Henris Dandole, et ere mult sages et prouz [27, ch. IV, p. 5].

Li bon dux de Venise qui mult ere sages et proz, monta el leteri [Ibidem, ch. VI, p. 29].

Si y fu li abbes de Los en Flandres, qui estoit de maison de l'ordre de Chistiaux (ichis abbes estoit molt sages et molt preudons) [25, ch. I, p. 25].

On y envoyast bon messages des plus sages chevaliers d'aus ou a Pise ou a Genvre ou en Venice [Ibidem, ch. V, p. 10].

Здесь у Ж. де Вильардуэна и Р. де Клари употреблена оценочная лексема *sage* в значении «разумный человек; человек, умудренный опытом». Эпитет *sage* употреблен вместе с эпитетом *proz*, что усиливает положительную оценку. Как отмечают исследователи [6, с. 125], в эпоху Средневековья понятие «мудрость» входило в комплекс обязательных добродетелей воина и являлось частью более широкого понятия *prudhomme*.

В тексте хроники Ж. де Вильардуэна была также выявлена группа оценочных лексем *cler sens/ cler engin*, которые, представленные в комплексе, актуализируют интеллектуальную и этическую оценку лицу:

Li dux, par son sens et par son engin, que il avait mult cler et mult bon, les mist en ce que il le loerent et voltrent [27, ch. V, p. 25].

Существительное *sens* в старофранцузском языке имело значение «ум, рассудок, сознание» (*esprit*, *raison*, *savoir*) [23, p. 258; 18, с. 237]; существительное *engin* означало «ум, талант» [23, p. 150; 18, с. 89]. Атрибутивная сочетаемость данных существительных с прилагательным *cler*, которое в данном контексте актуализирует сему «ясный, светлый, блестящий» [18, с. 49] дает представление о качествах, которые Ж. де Вильардуэн ценил в доже Дандоло. Благодаря метафорическому переосмыслению, выражение *il avait son sens et son engin mult cler et mult bon* приобретает оценочный смысл. Основанием оценки является мудрость и талант дожа. Следует также отметить, что типичное для средневекового произведения сочетание синонимов *sens/engin* усиливает положительную интеллектуальную оценку и представляет единое смысловое целое. Таким образом, оценочные выражения *cler sens / cler engin* в данном контексте вербализуют когнитивный признак «мудрость» концепта честь.

Как можно видеть из текста хроники, лексемы *sage*, *cler sens/ cler engin*, содержат сему «мудрость», при этом каждая из них в разной степени отражает когнитивный признак «мудрость». Все они имеют положительную оценку и апеллируют к системе средневековых нравственных стереотипов, составляющих «кодекс чести рыцаря».

По мнению историков, культурологов и лингвистов [4; 9; 16], мировоззрение человека XIII века сформировалось под влиянием евангельской моральной доктрины. Религиозные стереотипы распространились на рыцарскую среду и наложили свой отпечаток на формирование «кодекса чести рыцаря». В сознании средневекового человека мужество крестоносцев и их стремление к завоеваниям представляли собой иллюстрацию «деятельного христианства» [6, с. 76].

В исследуемых хрониках сема «святость» представлена совокупностью значений лексемы *saint*. В хрониках как Ж. де Вильардуэна, так и Р. де Клари прилагательное *saint* употреблено по отношению к объекту оценки «духовенство»:

Li abes de Loz, qui mult ere sainz hom et prodom... [27, ch. XX, p. 97].

Il eut jadis un saint homme en Constantinoble [25, ch. LXXXIII, p. 10].

Messire Folques li bons hom li saint hom qui parla premierement des croiz, fina et morut [27, ch. XV, p. 73].

В рассматриваемых фрагментах прилагательное *saint* по отношению к священникам употреблено обоими авторами как знак величайшего уважения к их заслугам, так как эпитет *saint* являлся наивысшей этической оценкой для любого священника, и заключал в себе следующую характеристику:

- 1) тот, кто является в высшей степени чистым и совершенным;
- 2) тот, кто ведёт безупречную жизнь, полностью соответствующую законам морали и религии;
- 3) тот, кто внушает либо должен внушать благоговение [24, p. 125].

Помимо выражения положительной этической оценки лицу, *saint* указывает на место человека в социальной иерархии того времени, указывая на его духовное звание и актуализируя сему «человек, посвященный в духовный сан или принявший монашество». Именно применительно к объекту оценки «духовенство» когнитивный признак «святость» в концепте «честь» является доминирующим.

Поскольку священники участвовали в Крестовом походе и воевали наравне с рыцарями, их поступки также оценивались с позиций «кодекса чести рыцаря». Как можно видеть из примеров, прилагательное *saint* употреблено в одном контексте с оценочными лексемами *li prodom*, *li bons hom* («хороший» = «благородный человек»). Оценочные лексемы (*saint* / *bons* / *prodom*) стоят в одном ряду, выражают положительную этическую оценку лицу «духовенство» и их можно рассматривать как различные когнитивные признаки концепта «честь». Таким образом, лексема *saint* в данном контексте не только соотносится своими значениями с религиозной сферой, но и имеет «светские» значения, связанные с нравственными представлениями человека того времени.

В XII-XIII веках формирование норм «куртуазии» обогатило рыцарский идеал новыми качествами. Среди рыцарских добродетелей «щедрость» и «бескорыстность» занимала особое место. С одной стороны, понятие «щедрость» было связано с Евангельской моральной доктриной, а, с другой стороны, с вопросом социального статуса и уважения в социуме: «наибольшим престижем пользовался тот из рыцарей, кто был щедрее в раздачах, так как истинному рыцарю должны были быть чужды гордыня, скупость или расчётливость» [17, с. 120].

В текстах хроник Ж. де Вильардуэна и Р. де Клари понятие «щедрость» вербализуется посредством прилагательного *large* и наречия *largement*.

В значении «щедрый, великодушный» *large* употреблено в хронике Р. де Клари:

Il eu un empereur en Constantinoble, Manuauz eut a non. Si fu molt preudons empereres et li plus rikes de tous les crestiens qui onques fuissent et li plus larges; ne onques nus ne li demanda du sien, qui de loi de Rome fust, qui a peust parler, qu'il ne li fesisit donner chens mars: ensi l'avons oi temoigner. Chis empereres amoit molt Franchois et mout les creoit [25, ch. XVIII, p. 10].

В данном контексте Мануил, хотя и является константинопольским императором, однако оценивается сквозь призму «кодекса чести рыцаря», как если бы он был европейским феодалом: *larges* употреблено в едином контексте с рассмотренными выше оценочными лексемами *preudons* и *rikes*, которые выступают как когнитивные признаки, актуализирующие концепт «честь». Очевидно, для Р. де Клари основанием положительной оценки с позиций «рыцарских» стереотипов послужил тот факт, что Мануил являлся представителем высшего сословия. Таким образом, *large* здесь выступает как лексема-репрезентант признака «щедрость».

Лексемы *large* и *largement* можно рассматривать как семантически тождественные, так как лексема *largement* объективирует тот же набор сем, что и *large*: «широко, щедро, великодушно» [18, с. 149].

В значении «быть щедрым» лексема *largement* употреблена у Ж. де Вильардуэна в устойчивом оценочном выражении *donner largement* («давать щедрое вознаграждение»):

Et fu granz joie par tot l'ost, porce que li marchis ere uns des plus proissiez chevalier dou monde, et des plus aimez des chevaliers; que nus plus largement ne lor donnoit [27, ch. LVIII, p. 265].

В рассматриваемых примерах выражение *donner largement* употреблено в едином контексте с причастием *aimez* и оценочным прилагательным *proissiez*, вместе с которыми оно актуализирует положительную этическую оценку рыцарю.

Лексемы *large*, *largement* во всех указанных контекстах содержат сему «щедрость» и апеллируют к понятию «бескорыстность, великодушие» и могут рассматриваться как конститuentы концепта «честь», вербализующие признак «щедрость».

Исследование различных языковых способов реализации концепта «честь» в старофранцузских хрониках Ж. де Вильардуэна и Р. де Клари позволяет сделать следующие выводы:

1. Главным объектом анализа являлась ценностно-оценочная составляющая концепта «честь». В ходе исследования было выявлено, что концепт «честь» имеет сложную аксиологическую структуру и актуализирует комбинацию нескольких видов оценки. Также наблюдается превосходство этической оценки над всеми остальными. Все рассмотренные лексемы-репрезентанты концепта «честь» имеют положительную коннотацию.

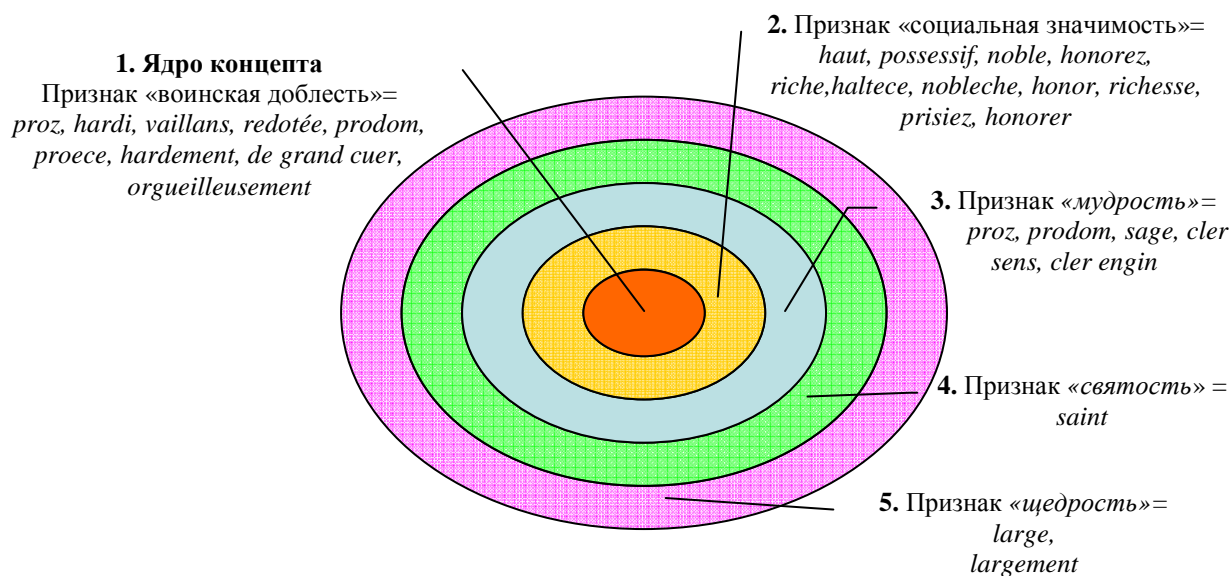
2. Рассмотрение каждого из когнитивных признаков концепта «честь» осуществлялось через анализ семантики оценочных лексем, конституирующих определенный признак. Совокупность значений каждой из лексических единиц, выявленных в текстах хроник Ж. де Вильардуэна и Р. де Клари, вербализует содержание определенного когнитивного признака концепта «честь». Так, когнитивный признак «*воинская доблесть*» объективируется посредством оценочных лексем *proz, hardi, vaillans, redotée, prodom, proece, hardement, de grand cuer, orgueilleusement*; признак «*социальная значимость*» - лексемами *haut, possessif, noble, honorez, riche, haltece, nobleche, honor, richesse, prisiej, honorer*; признак «*мудрость*» - лексемами *proz, prodom, sage, cler sens, cler engin*, признак «*святость*» - через оценочную лексему *saint*; признак «*щедрость*» - через оценочные лексемы *large* и *largement*.

3. В средневековой феодально-рыцарской этике основу «кодекса чести» исторически составляли военные понятия, воплотившиеся впоследствии в идеал доблестного воина. Авторы хроник Ж. де Вильардуэн и Р. де Клари сами были рыцарями-крестоносцами, непосредственными участниками похода и носителями рыцарских идеалов. Таким образом, в системе нравственных стереотипов авторов представления о доблести являются главными и основополагающими для положительной оценки рыцаря. Изучение ценностной ориентации исследуемых произведений показало, что когнитивный признак «*воинская доблесть*» можно считать ядром концепта «честь». Следовательно, ядерными репрезентантами концепта «честь» в исследуемых хрониках являются лексемы, образующие ядро концепта и входящие в синонимический ряд: это прилагательное *proz*, образующее лексико-семантические дериваты *prodom, proesce*, а также его синонимы, прилагательные *vallans, hardi* (дериват *hardement*), причастие *redotée*, устойчивое выражение *de grand cuer*, наречие *orgueilleusement*.

4. Исторически более поздние нравственные понятия, входившие в «кодекс чести рыцаря», составили содержание когнитивных признаков «*социальная значимость*», «*мудрость*», «*святость*» и «*щедрость*». Оценочные лексемы, репрезентирующие данные признаки, оценивают рыцаря, как на основании его моральных качеств, так и занимаемого им места в средневековой социальной иерархии и формируют периферию концепта «честь».

На основе проведенного исследования представляется возможным наглядно отразить структуру концепта в виде следующей схемы.

Структура концепта «честь»

Как можно видеть из представленной схемы, рассмотренные значения лексем-репрезентантов концепта говорят о том, что «честь» для рыцаря начала XIII века - это категория этики, понятие, характеризующее доблестного воина, знатного феодала и высоконравственного человека.

На основе анализа содержания когнитивных признаков, составляющих концепт «честь», можно сделать вывод о том, что содержание концепта «честь» в целом основано на системе норм, определяющих содержание коллективного сознания общества XIII века, эпохи расцвета Средневековья.

Список литературы

1. **Бабушкин А. П.** Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка. Воронеж: Изд-во Ворон. госуд. ун-та, 1996. 104 с.
2. **Болдырев Н. Н.** Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2002. 124 с.
3. **Воркачѳ С. Г.** Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. № 2.
4. **Гуревич А. Я.** Категории средневековой культуры. М., 1984. 350 с.
5. **Гусейнов А. А., Апресян Р. Г.** Этика. М., 2002. 472 с.
6. **Дюби Ж.** История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк (987-1460 гг.) / пер. с франц. Г. А. Абрамова, В. А. Павлова. М., 2001. 416 с.
7. **Комова А. Е.** Ядерный компонент концепта «честь» на материале текстов древнеанглийского периода // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 4 (4).
8. **Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г.** Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. 246 с.
9. **Ле Гофф Жак.** С небес на землю // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1991.
10. **Маслова В. А.** Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 296 с.
11. **Пименова М. В.** Введение в концептуальные исследования: уч. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. Кемерово: Кузбасвузизд, 2006. 179 с.
12. **Степанов Ю. С.** Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 989 с.
13. **Стернин И. А.** Типы и концепты // Концептуальное пространство языка: сб. научн. трудов, посвященных юбилею Н. Н. Болдырева / под ред. Е. С. Кубряковой. Тамбов, 2005.
14. **Субиркина Н. Ю.** Реконструкция концепта honor («честь») во французском средневековом сознании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. Вып. 561. Языкознание. Коммуникация, дискурс, профессиональное общение: лингвокультурологический аспект.
15. **Терина С. В.** Древнерусский концепт «честь» и его языковая репрезентация в летописи «Повесть временных лет»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тамбов, 2007. 210 с.
16. **Ткаченко О. В.** Феномен чести в европейской и русской культуре (философско-антропологический анализ). Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2005. 143 с.
17. **Хейзинга Й.** Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М.: Наука, 1988. 540 с.
18. **Шинмарѳ В. Ф.** Словарь старофранцузского языка. IX-XV вв. М.-Л.: Изд. академии наук СССР, 1955. 275 с.
19. **Эпоха крестовых походов** / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Смоленск: Русич, 2005. 560 с.
20. **Dubois Jean Dictionnaire étymologique et historique du français.** Paris: Larousse, 2000. 821 p.
21. **Godefroy Frederic.** Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon, libraire-éditeur, 1889. 775 p.
22. **Gransaignes d'Hauterive R.** Dictionnaire de l'ancien français. Moyen Age et Renaissance. Paris: Larousse, 1947. 589 p.
23. **Greimas A. J.** Dictionnaire de l'ancien français (jusqu'au milieu du XIV-ème siècle). Paris: Larousse, 1969. 675 p.
24. **Rey Alain.** Dictionnaire historique de la langue française. Paris: Dictionnaires le Robert, 1993. 2365 p.
25. **Robert de Clari.** La conquête de Constantinople. Edition bilingue. Publication, traduction, présentation et notes par Jean Dufournet. Paris: Honoré Champion, 2004. 335 p.
26. **Trésor de la langue française** (Dictionnaire de la langue du XIX-XX-ème siècle). Paris, 1988. 1445 p.
27. **Villehardouin Geoffrois de.** La conquête de Constantinople. Chronologie et préface par Jean Dufournet. Paris-Garnier-Flammarion, 1969. 192 p.

УДК 372.881.1

Татьяна Борисовна Марченкова

Военное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования г. Москвы

ПУТИ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРАКТИЧЕСКОГО КУРСА ПЕРЕВОДА
С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ИНОСТРАННЫЙ[©]

На переводческих факультетах вузов вопросы преподавания практического курса перевода всегда актуальны. И это не случайно. Практический курс перевода представляет собой центр тяжести языковой профессиональной подготовки переводчиков.